

Василий Григорьевич Авсеенко

Школьные годы

Василий Авсеенко

Школьные годы

«Public Domain»

1881

Авсеенко В. Г.

Школьные годы / В. Г. Авсеенко — «Public Domain», 1881

«Пропускаю впечатлѣнія моего ранняго дѣтства, хотя изъ нихъ очень многое сохранилось въ моей памяти. Пропускаю ихъ потому, что они касаются моего собственнаго внутренняго міра и моей семьи, и не могутъ интересовать читателя. Въ этихъ бѣглыхъ наброскахъ я имѣю намѣреніе какъ можно менѣе заниматься своей личной судьбой, и представить вниманію публики лишь то, чему мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, что заключаетъ въ себѣ интересъ помимо моего личнаго участія...» Произведение дается в дореформенном алфавите.

Василий Григорьевич Авсеенко

Школьные годы

Отрывки изъ воспоминаній

1852–1863

Пропускаю впечатлѣнія моего ранняго дѣтства, хотя изъ нихъ очень многое сохранилось въ моей памяти. Пропускаю ихъ потому, что они касаются моего собственнаго внутренняго міра и моей семьи, и не могутъ интересовать читателя. Въ этихъ бѣглыхъ наброскахъ я имѣю намѣреніе какъ можно менѣе заниматься своей личной судьбой, и представить вниманію публики лишь то, чему мнѣ привелось быть свидѣтелемъ, что заключаетъ въ себѣ интересъ помимо моего личнаго участія.

Въ августѣ 1852 года, меня отдали въ первую петербургскую гимназію. Преобразованная изъ бывшаго благороднаго пансіона при петербургскомъ университетѣ, она оставалась закрытымъ заведеніемъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняла еще прежній характеръ привилегированной школы. Въ нее принимались только дѣти потомственныхъ дворянъ, въ обстановкѣ воспитанія замѣчалось стремленіе къ чему то болѣе порядочному, чѣмъ въ другихъ гимназическихъ пансіонахъ; кажется и плата за воспитанниковъ въ ней была положена значительно высшая.

Я былъ недурно подготовленъ дома, и кромѣ того доступъ въ учебныя заведенія тогда былъ очень легокъ. Начальство находило нужнымъ такъ сказать заманивать учениковъ, во всякомъ случаѣ встрѣчало ихъ съ распростертыми объятіями. Меня проэкзаменовали шутя и предложили принять во второй классъ; но отецъ мой, большой любитель порядка и послѣдовательности, предпочелъ помѣстить меня въ первый классъ – чтобъ ужъ непремѣнно съ начала до конца, систематически, пройти весь курсъ.

Выросшій дома, среди соотвѣтствовавшей возрасту свободы, я съ большимъ трудомъ входилъ въ условія пансіонской жизни. Меня стѣсняла не дисциплина этой жизни, а невозможность остаться хотя на минуту одному съ самимъ собою. Дома я привыкъ читать; въ гимназій это было почти невысказано. Имѣть свои книги не разрѣшалось, а изъ казенной библіотеки давали нѣчто совсѣмъ несообразное – въ родѣ напимѣръ допотопнаго путешествія Дюмонъ-Дюрвиля, да и то очень неохотно, какъ бы только во исполненіе воли высшаго начальства. Библіотекой завѣдывалъ инспекторъ, Василий Степановичъ Бардовскій – человѣкъ, обладавшій замѣчательною способностью «идти наравнѣ съ вѣкомъ», только въ самомъ невыгодномъ смыслѣ. Мнѣ говорили, что въ 60-хъ годахъ, будучи уже директоромъ, онъ страшно распустилъ гимназію, что и было причиною нареканій на это заведеніе; но въ мое время онъ обнаруживалъ во всей неприкосновенности закалъ педагога-бурсака, и раздѣлялъ всѣ увлеченія тогдашняго обскурантизма. Розга въ четырехъ младшихъ классахъ царствовала неограниченно, и лишь немногіе изъ моихъ товарищей избѣгли вмѣстѣ со мною знакомства съ этимъ спорнымъ орудіемъ воспитанія. Сѣкли, главнымъ образомъ, за единицы. Каждую пятницу вечеромъ дежурный гувернеръ выписывалъ изъ журналовъ всѣхъ получившихъ на недѣлѣ единицы или нули, а каждую субботу, на первомъ урокѣ, Василий Степановичъ являлся въ классъ и кивкомъ головы вызывалъ попавшихъ въ черный списокъ. Товарищи провожали ихъ умиленными глазами... Надо впрочемъ сказать, что учиться было не тяжело, и избѣгать единицъ не представляло большихъ трудностей.

Забота о развитіи молодого ума, о воспитаніи благородныхъ инстинктовъ, какъ-то не вяжется съ розгой. И дѣйствительно, о такихъ вещахъ заботились мало. О жалкомъ составѣ гувернеровъ я скажу дальше; самъ инспекторъ, духъ и руку котораго мы ощущали ежеминутно,

хлопоталъ только о водвореніи порядка и страха и объ искорененіи свободомыслія. Поощрять охоту къ чтенію, къ труду не по указкѣ, не входило въ его программу, и на просьбу о выдачѣ книги изъ библіотеки большинство учениковъ получало неизмѣнный, иногда оскорбительный отказъ. «Занимайся лучше уроками! единицы имѣешь! Да, такъ-съ!» отвѣчалъ обыкновенно Василій Степановичъ, повертывая между пальцами серебряную табатерку. «Да, такъ-съ» прекращало всякіе разговоры. Не знаю, самъ ли инспекторъ руководилъ покупкою книгъ для библіотеки, но помню что составъ ея былъ удивительный. Она помѣщалась въ пріемной комнатѣ, и бывая тамъ я усердно разглядывалъ надписи на корешкахъ книгъ, но постоянно видѣлъ одни и тѣ-же «Сочиненія Нахимова». Съ тѣхъ поръ я долго не могъ отдѣлаться отъ представленія о Нахимовѣ, какъ о величайшемъ русскомъ писателѣ... Достать книгу по собственному желанію было невозможно. Помню, что я долго искалъ, какъ клада, томъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Въ то время Пушкина не было въ продажѣ: смирдинское изданіе (плохое, не полное, на сѣрой бумагѣ) уже исчерпалось, а анненковское еще не появилось; въ моей домашней библіотекѣ недоставало почему-то одного тома, съ мелкими лирическими пьесами, и я зналъ нѣкоторыя изъ нихъ только по хрестоматіи Галахова. Пробѣлъ этотъ просто мучилъ меня, и я нѣсколько разъ, рискуя навлечь на себя гнѣвъ В. С-ча, приставалъ къ нему съ просьбой выдать мнѣ изъ библіотеки этотъ заколдованный томъ; но инспекторъ, находя такое стремленіе къ поэзіи предосудительнымъ, отказывалъ наотрѣзъ. Уже года черезъ два, учитель русскаго языка Сергѣевъ – не блестящая, но добрѣйшая, славная личность – выхлопоталъ Пушкина для себя, и подъ величайшимъ секретомъ передалъ его на одинъ день мнѣ. Это былъ, можетъ быть, одинъ изъ счастливейшихъ дней моего дѣтства.

Литературные взгляды начальства выражались между прочимъ въ выборѣ книгъ, раздаваемыхъ въ награду лучшимъ ученикамъ при переходѣ изъ одного класса въ другой. Мнѣ раздали какой-то «Дѣтскій театръ», состоящій изъ малограмотныхъ переводныхъ комедій, въ другой разъ «Очеркъ похода Наполеона I противъ Пруссіи въ 1806 году», въ третій одинъ томъ словаря Рейфа, и т. д.

Но самую печальную сторону управленія В. С-ча составляла его склонность примѣшивать къ педагогическому дѣлу политическій элементъ. Эта была, впрочемъ, общая черта времени. Воспитательныя заведенія чрезвычайно узко понимали задачу искорененія въ молодыхъ умахъ зловредныхъ идей. Могу удостовѣрить, что ни у кого изъ моихъ товарищей никакихъ зловредныхъ идей не было; напротивъ, въ эпоху крымской войны, патріотическое воодушевленіе обнаружилось весьма сильно, и многіе изъ воспитанниковъ нашей гимназіи прямо со школьной скамьи отправились умирать на дымящихся бастіонахъ Севастополя. Тѣмъ не менѣе, мы всѣ постоянно чувствовали себя подъ какимъ то тягостнымъ давленіемъ политической подозрительности. Обыкновенныя дѣтскія шалости, можетъ быть и предосудительныя, но объясняемыя условіями закрытаго воспитанія, духомъ товарищества, нерѣдко разсматривались именно съ этой подозрительной quasi-политической стороны. Припоминаю случай лично со мной. Подружившись съ однимъ изъ товарищей, я въ рекреаціонныя часы часто ходилъ съ нимъ по корридору, и наши разговоры казались намъ занимательнѣе обычныхъ игръ въ общей залѣ. Но гувернеръ Б-ни, усвоившій себѣ инквизиторскія воззрѣнія на самыя обыкновенныя вещи, запретилъ намъ оставаться вдвоемъ, объяснивъ откровенно, что подозрѣваетъ нашу политическую благонадежность, и что наше отдаленіе отъ товарищей вызываетъ въ его воображеніи классическія фигуры Брута и Кассія... Привожу этотъ неважный случай, чтобъ показать до какой степени односторонне и несвободно относились тогдашніе педагоги къ этой несомнѣнно важной задачѣ общественнаго воспитанія. Надо прибавить, что исканіе политической подкладки въ незначительныхъ явленіяхъ, вытекающихъ прямо изъ условій пансіонской жизни, приводило къ результатамъ почти противоположнымъ: мы чуть не съ десятилѣтняго возраста получали неестественный интересъ къ политическимъ вопросамъ, и конечно гораздо больше толковали о нихъ, чѣмъ нынѣшніе мальчишки. Но, повторяю, относиться враждебно къ осно-

вамъ нашего государственнаго быта никому изъ насъ и въ голову не приходило. Такъ называемое свободомысліе скорѣе направлялось въ сферу религіозную – явленіе, какъ извѣстно, общее тогда всѣмъ закрытымъ учебнымъ заведеніямъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.